

ДИАЛЕКТНАЯ БАЗА ЮЖНОРУСИНСКОГО ЯЗЫКА

*Работа представлена кафедрой славянской филологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор К. В. Лифанов*

В статье излагаются результаты лингвогенетического исследования южнорусинского языка (русинский Сербии и Хорватии), в ходе которого его системные фонологические и морфологические черты впервые сопоставлены с восточнословацкими и карпаторусинскими эквивалентами словацких райнов Шариша и Земплина, прародины южных русинов.

Ключевые слова: русинский, Сербия, диалектная база, восточнословацкий, Шариш, Земплин.

The article «Dialect base of Southern Ruthenian» introduces results of a genetic investigation of Ruthenian language of Serbia and Croatia. For the first time phonological and morphological systematic features of this idiom are compared with their equivalents in Eastern Slovak and Ruthenian dialects of Slovak regions Saris and Zemplin, the historic motherland of its speakers.

Key words: Ruthenian, Serbia, dialect base, Eastern Slovak, Saris, Zemplin.

Наличие значительного восточнословацкого компонента в генетической структуре южнорусинского языка признается на

сегодняшний момент даже той группой лингвистов, которые считают этот идиом гетерогенным, т. е. имеющим карпатору-

синско-восточнословацкое происхождение¹. Однако характер и качество этого восточнословацкого компонента, как и диалектная база южнорусинского языка, до сегодняшнего момента оставались детально не изученными. Причиной тому во многом являлось отсутствие детальных описаний говоров восточнословацкого диалекта и карпаторусинского языка, которые появились лишь в последнее время а также недостаточно точно разработанная методика исследования².

В качестве иллюстраций восточнословацко-южнорусинских связей в имеющейся литературе обычно приводятся разрозненные примеры из шарошских или земплинских восточнословацких говоров. При этом, как правило, не учитывается то обстоятельство, что восточнословацкие говоры Шароша и Земплина не являются собой единого, четко очерченного пространства: различные группы этих говоров, несмотря на ряд общих признаков, находятся в сложной корреляции как между собой, так и с другими восточнословацкими говорами: абовскими, спишскими и ужскими. Восточнословацкий матичный ареал южнорусинского языка состоит, таким образом, из нескольких условных групп, в которые их можно объединить на основании совпадения большинства маркированных изоглосс: 1) *северные шарошские говоры*, в основном локализованные на север от г. Бардейов до польской границы, по ряду показателей приближенные спишским восточнословацким и шарошским карпаторусинским; 2) *центральные шарошские говоры*, расположенные частично в округах Прешов и Сабинов, среди которых особенно выделяется подгруппа юго-восточных говоров вокруг г. Прешов и некоторых говоров округа Гиралтовце (далее – прешовские); 3) *западные земплинские говоры* (частично округ Гиралтовце, Вранов, Бреков, Сечовце), по некоторым признакам смыкающиеся с шарошскими словацкими;

4) *восточные земплинские говоры* (округа Михаловце, Гуменне, Стропков), имеющие точки соприкосновения с ужскими словацкими; 5) *юго-западно-земплинские*, локализованные в большинстве районов округа Требишов и в юго-западных районах округа Сечовце (далее – требишовские), которые по многим признакам демонстрируют близость абовским восточнословацким говорам, с одной стороны, и прешовским – с другой. Следует подчеркнуть, что подобная классификация имеет условный характер, так как между собой эти группы говоров по некоторым признакам взаимно интерферируются³.

Нами было предпринято исследование диалектной базы южнорусинского языка, в ходе которого его маркированные фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические показатели были детально сопоставлены с восточнословацкими и карпаторусинскими эквивалентами из Шароша и Земплина. Анализ показал, что в южнорусинском языке *нет ни одного* фонологического, морфологического, словообразовательного или синтаксического признака, который можно было бы однозначно квалифицировать как карпаторусинский⁴. В связи с этим нам предстояло выяснить, является ли южнорусинский язык «смешанным диалектом», содержащим элементы разных восточнословацких говоров, или его диалектная база практически в «чистом виде» унаследована от одного из этих говоров, т. е. установить, какие конкретно шарошские и земплинские восточнословацкие говоры и в какой пропорции принимали участие в формировании исследуемого идиома?

Из более сорока выделенных нами релевантных фонетических, морфологических и словообразовательных системных признаков большинство оказалось релевантным для восточнословацких говоров Шароша и Земплина в целом. В качестве примеров подобных явлений можно привести

- рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt (юр. *крава*⁵, вслв. *krava*, кр. *korova* ‘корова’; юр. *сладки*, вслв. *slatki*, кр. *solotkyj* ‘сладкий’; юр. *брег*, вслв. *brix* / вслв. тр. *brex*, кр. *berix* ‘холм, берег’; юр. *млеко*, вслв. *ml'iko* / вслв. тр. *ml'eko*, кр. *moloko* ‘молоко’);

- ассимиляцию *t и *d (юр. *дзецо*, вслв. *dzecko*, кр. *d'(/g')ityna* ‘ребенок’; юр. *дзековац*, вслв. *dzekovac*, кр. *d'ak(u/o)vaty* ‘благодарить’; юр. *цесни*, вслв. *cesni*, кр. *k'isnyj* ‘тесный’; юр. *цинь*, вслв. *ciñ*, кр. *t'iñ* ‘тень’);

- формы тв. п. ед. ч. существительных женского рода всех типов склонений (юр. *зоз жену*, вслв. *zoz ženu*, кр. *zoz ženom* / *zoz ženou* ‘с женой’; юр. *зоз черешню*, вслв. *zos čerešnju*, кр. *zos čerešňom* / *zos čerešňou* ‘черешней’; юр. *зоз солю*, вслв. *zos sol'u*, кр. *zos sil'om* / *zos sil'oi* ‘с солью’; юр. *зоз мну*, вслв. *zoz mnu*, кр. *zoz mnom* / *zoz mnou* ‘со мной’);

- презентные формы глагола 3-го л. ед. ч. (юр. *чита*, вслв. *čita*, кр. *čitat(')* ‘читает’; юр. *робу*, вслв. *robi*, кр. *robyt(')* ‘делает, работает’) и мн.ч. (юр. *читаю*, вслв. *čitaju*, кр. *čitajut(')* ‘читают’; юр. *робя*, вслв. *robia*, кр. земпл. *rob(l')at(')* ‘делают, работают’).

Несколько признаков указывают на словацкие шарышские и на западные земплинские говоры округов Вранов, Сечовце и Требишов:

- унифицированные формы род. и предл. п. мн. ч. существительных с флексией *-ox* (юр. *хлопох*, вслв. *xlorox* / сев. шар. *xloruf* / вслв. юго-вост. земпл. *xlorou*, кр. *xlorij* ‘мужчин’; юр. *душох*, вслв. *dušox* / вслв. юго-вост. земпл. *dušoi*, кр. *duš* ‘душ’; юр. *дланьох*, вслв. *dlaňox* / вслв. юго-вост. земпл. *dlaňoi*, кр. *doloňi* ‘ладоней’; юр. *дзверох*, вслв. *dzverox* / вслв. юго-вост. земпл. *dzver'ox* / вслв. спор. *dzvir*, кр. *dveri* ‘дверей’);

- флексия *-m* в презентных формах глаголов 1-го л. ед. ч. (юр. *будзем*, вслв. шар. и зап. земпл. *budzem*, вслв. вост. земпл. и кр. *budu* ‘буду’; юр. *идзем*, вслв. шар. и зап. земпл. *idzem*, вслв. вост. земпл. и кр. *idu* ‘иду’; юр. *гришим*, вслв. шар. и зап. земпл. *hrišim*, вслв. вост. земпл. и кр. *hrišu* ‘грешу,

ошибаюсь’; юр. *ходзим*, вслв. шар. и зап. земпл. *hodzim*, вслв. вост. земпл. *hodzu*, кр. *hodžu* ‘хожу’);

- флексия *-o* в формах им. п. мн. ч. притяжательных прилагательных и местоимений (юр. *братово руки*, вслв. *bratovo ruki* / вслв. вост. земпл. *bratovi ruki*, кр. *bratovuj ruku* ‘руки брата’; юр. *шестрино хусточки*, вслв. *š(/š)estrino xustočky* / вслв. вост. земпл. *š(/š)estrini xustočky*, кр. *sestrynuj xustočky* ‘платки сестры’; юр. *мойо кніжки*, вслв. *mojo kniški* / вслв. *moji kniški*, кр. *moji knyšky* ‘мои книги’; юр. *нашо дзеци*, вслв. *našo dzeci* / вслв. вост. земпл. *naši dzeci*, кр. *naši d'(/g')ity* ‘наши дети’).

Совокупная рефлексация *ъ оказалась общей для всех земплинских восточнословацких говоров: юр. *писок*, вслв. шар. *pisek* / вслв. земпл. *pisok*, кр. *pisok* ‘песок’; юр. *подобрац*, вслв. *podebrac*, вслв. земпл. *podobrac*, кр. *podobraty* ‘подобрать’; юр. *тот*, вслв. шар. *ten* / вслв. земпл. *tot*, кр. *tot* ‘тот’; юр. *деска*, вслв. *deska*, кр. *doska* ‘доска’; юр. *ценки*, вслв. *cenki*, кр. *tonkyj* ‘тонкий’.

Ряд признаков связывает южнорусинский язык только с требишовскими говорами. Среди них:

- рефлекс *o < *ō / *ǫ* (юр. *пойдзем*, вслв. *pujdzem*, вслв. тр. *pojdzem*, кр. *pidu* ‘пойду’; юр. *дзвон*, вслв. *dzvun*, вслв. тр. *dzvon*, кр. *dzvin* ‘звон’; юр. *двор*, вслв. *dvur* / вслв. тр. *dvor*, кр. *dvir* ‘двор’; юр. *вон*, вслв. шар. *un* / вслв. земпл. *vun* / вслв. тр. *von*, кр. *vin* ‘он’);

- изменение *s > š и *z > ž (юр. *шерцо*, вслв. *šerco* / вслв. тр. *šerco*, кр. *ser(')ce* ‘сердце’; юр. *шлени*, вслв. *šl'epi* / вслв. тр. *šl'epi*, кр. *s(/š)l'ipyj* ‘слепой’; юр. *желени*, вслв. *žel'eni* / вслв. тр. *žel'eni*, кр. *z(/ž)elenyj* ‘зеленый’; юр. *жем*, вслв. *ž(i/e)m* / вслв. тр. *žem*, кр. *zeml'a* ‘земля’);

- оформление инфинитива ряда глаголов (юр. *чечиц*, вслв. *ce(s)c* / вслв. тр. *čečic*, кр. *teči* ‘течь’; юр. *тлучиц*, вслв. *tlusc* / вслв. тр. *tlučic*, кр. *toičaty* / *toloči* ‘толочь, толкать’).

Наконец, два признака указывают на прешовские говоры:

- спрягаемые формы вспомогательного глагола *буц* ‘быть’ (1-е л ед. ч. – юр. *som*, вслв. шар. преш. *som* / вслв. земпл. *mi* / *šmi*, кр. *jet*; 1-е л мн. ч. – юр. *zme*, вслв. центр. шар. *zme*, вслв. тр. *žme*, кр. *zme* / *žmi*; отрицательная форма 3-го л. ед.ч. – юр. *нет*, вслв. шар. преш. *ňet* / вслв. земпл. и ост. шар. *ňit*, кр. *ňit*);

- формы причастий на *-l* (юр. *спаднул*, вслв. *spat* / вслв. шар. преш. *spadnul* / вслв. тр. *spadnol*, кр. *upa(ŭ/l)* ‘упал’; юр. *стретнул* / вслв. *strit* / вслв. шар. преш. *stretnul* / вслв. тр. *stretnol*, кр. *strytu(ŭ/l)* ‘встретил’; юр. *мог*, вслв. *tux* / вслв. шар. преш. *tox* / вслв. тр. *tohol*, кр. *tiŭ* ‘мог’; юр. *упек*, вслв. *upik* / вслв. шар. преш. *upek* / вслв. тр. *upekol*, кр. *up(i/ü)k* ‘испек’);

- огласовка отрицательной частицы (юр. *не*, вслв. шар. преш. *ňe*, вслв. земпл. *ňit*, кр. *ne* ‘нет’).

Итак, южнорусинская ситуация оказывается чрезвычайно близка ситуации в юго-западных земплинских говорах округов Требишов и Сечовце, за исключением двух признаков, связывающих южнорусинский

с шаришскими восточнословацкими говорами к югу от г. Прешова. Отступление от требишовской ситуации и южнорусинско-шаришские параллели демонстрирует и ряд лексем: юр. *гарло*, вслв. шар. преш. *harlo* / вслв. тр. *hardlo*, кр. *horlo* ‘горло’; юр. *крпунки*, вслв. *kripki* / вслв. тр. *kreпки*, кр. *kripkŭj* ‘крепкий’; юр. *угел*, вслв. шар. *uhel* / вслв. земпл. *uhol*, кр. *uhol* ‘угол’; юр. *дражка*, вслв. шар. *draška* / вслв. земпл. *pešnik*, кр. *steška* / *pišnyk* ‘дорожка, тропинка’ и др.

Таким образом, южнорусинский язык сформировался в результате взаимодействия главным образом требишовских земплинских и прешовских шаришских говоров, удельный вес которых в его системе, однако, является неодинаковым. В целом она восходит к требишовским говорам, но была частично модифицирована под влиянием прешовских. Результаты нашего исследования подтверждаются историческими данными, так как большинство карпатских «переселенцев греко-католического вероисповедания» прибыло в Воеводину из округа Требишов и из других округов в нижнем течении реки Ондавы, в том числе и южной части округа Прешов⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чарский В. В. Проблема генезиса южнорусинского языка и пути ее решения // Славянский Вестник МГУ, 2007 (в печати).

² Чарский В. В. Новая трактовка критерия релевантности/нерелевантности в лингвогенезе южнорусинского языка // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 3. С. 111–117.

³ Stieber Z. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956; Štolc J. Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.

⁴ Чарский В. В. Новая трактовка критерия релевантности/нерелевантности в лингвогенезе южнорусинского языка.

⁵ Южнорусинские примеры приводятся в соответствии с орфографией, принятой в литературном языке, а восточнословацкие и карпаторусинские – в фонетической транскрипции. В статье используются следующие нетипичные сокращения: вслв. – восточнословацкие, земпл.– земплинские, кр. – карпаторусинские, ост. – остальные, преш. – прешовские, тр. – требишовские, шар. – шаришские, юр. – южнорусинский.

⁶ Надь Г. Прилоги до историї руского языка. Нови Сад, 1988. С. 84; Швагровски Ш. Ѓу питаню генези и конституованя языка югославянских Руснацох // Studia Ruthenica 5 (18), 1996–1997. С. 88–102; Жирош М. Бачванско-сримски Руснаци дома и у швецe 1745–1991. Т. I. Нови Сад, 1997. С. 23.